Самая прекрасная роза

Автор:
Кэролайн Андерсон

Самая прекрасная роза

Кэролайн Андерсон

Любовный роман – Harlequin #138

Сэм Хантер старался помочь своему брату обрести радость отцовства, но в клинике совершили ошибку, в результате которой от него забеременела не та женщина…

Кэролайн Андерсон

Самая прекрасная роза

Глава 1

– О перестань дрожать и давай уже покончим с этим! – Въехав на парковку клиники ЭКО[1 - ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение.], Эмелия заглушила двигатель. Наступила такая тишина, что она слышала биение своего сердца. – Глупо, – пробормотала она. – Из-за такого пустяка…

Нет смысла нервничать, но Эмелии не терпелось уехать отсюда прямо сейчас. Однако молодая женщина прекрасно понимала, что она не может так поступить. Она должна получить информацию.

Вынув ключи из зажигания, Эмелия протянула руку к сумке, из которой провокационно торчал уголок конверта. Секунду она смотрела на него, потом вышла из автомобиля. Ничего она не выиграет, если снова перечитает письмо. Она уже столько раз это делала, что шрифт выцвел.

– Эмелия?

– Сэм?

Ее сердце замерло при звуке его голоса, и она обернулась, не веря своим глазам. Но это был не плод ее воображения, а Сэм Хантер собственной персоной. Он шел к ней широкими и неторопливыми шагами, одетый в деловой костюм. Она никогда не видела его в костюме. Обычно он был в джинсах или спортивных брюках, но костюм ему шел. Сэм выглядел намного роскошнее, чем прежде.

Широкие плечи, длинные поджарые ноги… и глаза – эффектные глаза синего цвета, обрамленные неприлично красивыми черными ресницами. Его глазам удавалось убедить Эмелию в том, что она единственный объект их вожделения.

– О, я так рада тебя видеть! – лихорадочно воскликнула она. – Что ты здесь делаешь? Хотя… что это я? Как ты?

Он улыбнулся, в уголках его глаз образовались морщинки, а на худой щеке появилась крошечная ямочка, отчего у Эмелии подкосились ноги.

– Дела у меня отлично, спасибо. А ты выглядишь…

– Беременной? – насмешливо произнесла она, когда его взгляд скользнул по ее округлившейся женственной фигуре.

Тихонько рассмеявшись, Сэм заключил Эмелию в объятия и на миг привлек к себе. Почувствовав, как ее круглый живот коснулся его, Сэм испытал некий шок, чего никак не ожидал. Он поспешно отпустил ее и шагнул назад.

– Я собирался назвать тебя изумительной, но… да, и это тоже, – сказал он, с трудом собираясь с мыслями. – Поздравляю!

– Спасибо, – тихо промолвила она, чувствуя себя немного виноватой, что было глупо. Не виновата она в том, что жена его брата до сих пор не может забеременеть, а она вынашивает ребенка. – Итак, что ты здесь делаешь? Я думала, что Эмили и Эндрю решили немного отдохнуть ото всего этого.

– Да, так и есть. Эндрю сказал, что они «проводят перегруппировку».

Улыбка сошла с лица Сэма, да и Эмелия посерьезнела, увидев тревогу в его глазах.

– Так зачем ты здесь, Сэм? – спросила она и только потом сообразила, что сморозила глупость, ведь не ее это дело. Но в отсутствие Эмили и Эндрю приезд их донора спермы оказался… ну, по правде говоря, странным.

– У меня назначена встреча с директором клиники, – произнес он.

Вот почему он надел костюм. Сердце Эмелии екнуло, она ощутила неловкость.

– У меня тоже. Я должна была прийти сегодня после обеда, но не могу ждать так долго. Сэм, как по-твоему, что происходит? Я звонила, но они дают уклончивые ответы. Они лишь сказали, что случилась административная накладка и доктор все объяснит. Какая может быть накладка, если ребенок зачат?

Мужчина нахмурился, сдвинув темные брови, и сжал четко очерченные твердые губы.

– Понятия не имею, – ответил он спустя мгновение, – но я намерен все выяснить.

– Есть идеи?

– О, множество, но ничего конкретного. Они отправили письмо Эмили и Эндрю, но они его еще не получили, потому что несколько дней будут в отъезде. Я понял только, что произошла какая-то путаница.

– Путаница? – Мгновение она пристально смотрела на Сэма, кровь отлила от ее лица. – Недавно в новостях сообщали о перепутанных эмбрионах. Это было ужасно.

– Да. Я видел репортажи.

– Я подумала, что подобный случай особенный, ведь в клинике строго за этим следят, но… А вдруг такое произошло и на этот раз, Сэм? – спросила она, и кровь застыла у нее в жилах. – В тот день на приеме была только я и Эмили. Что, если они перепутали эмбрионы? Что, если я вынашиваю их ребенка? – Внезапно у нее подкосились колени.

Слезы жгли ей глаза, она прижала пальцы одной руки к губам, другой рукой коснулась живота, инстинктивно защищая ребенка.

Если она вынашивает чужого ребенка…

Сэм обеспокоенно смотрел на Эмелию, его взгляд привлекла ее рука, которой она, защищаясь, закрыла округлившийся живот. Он взмолился, чтобы все вышло не так, как она говорит. Прежние эмбрионы погибли до того, как их удалось подсадить Эмили. Но если Эмелия права? Если эмбрионы подменили и она лишилась возможности зачать ребенка от своего покойного мужа? Когда малыш родится, ей придется отдать его Эмили и Эндрю. А у Эмелии не останется ничего. Все планы и все радостные ожидания будут сокрушены несколько словами: «Этот ребенок не ваш».

Сэм постарался выкинуть эти мысли из головы и посмотрел на Эмелию, по щекам которой текли слезинки.

Большими пальцами рук он вытер их с ее лица.

– Может, все иначе, – неуверенно сказал он, нежно прикасаясь к ее щекам.

– Должно быть иначе, – невыразительным от шока голосом произнесла она. – Как же по-другому?

Опустив руки, мужчина сделал шаг назад.

– Пойдем и выясним, – сказал он, желая поскорее разделаться с этим вопросом. – Возможно, речь пойдет о чем-то другом. Например, об оплате.

– Тогда с нами разговаривали бы бухгалтера, а не директор, – рассудительно заметила она. – Нет, это нечто иное, Сэм. Нечто намного хуже. Я думаю, это связано с эмбрионами.

Ее дымчато-зеленые глаза были по-прежнему в слезах, ресницы подрагивали, но Эмелия глотнула воздуха и вздернула подбородок.

Сэм положил руку ей на плечо и попробовал улыбнуться.

– Пойдем и выясним, – снова сказал он, на этот раз мягче, поворачивая ее к входу в здание. Но она медлила, он ощущал ее дрожь.

– Сэм, я не справлюсь.

– Но ведь я с тобой. – Он почувствовал, как Эмелия взяла его за руку, и быстро сжал ее пальцы. – Готова?

Она кивнула, собираясь с духом:

– Ладно. Пора получить кое-какие ответы.

Эмелия была шокирована, но одновременно словно бы испытывала облегчение.

– Что же дальше? – спросила она, глядя на своего провожатого, когда они вышли из здания на весеннее солнце. Странно, только что было облачно, а теперь…

– Ну, я не знаю, как ты, но я бы выпил вкусного крепкого кофе. – Он улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз, которые оставались непонятно невыразительными.

Она попробовала улыбнуться в ответ, но ее губы отказывались слушаться. Глаза пощипывало от слез.

– Я бы тоже. Я не пила кофе несколько месяцев, но сейчас мне почему-то захотелось.

– Поедем на одной машине или каждый на своей?

– Каждый на своей.

– Едем в привычное место?

Она кивнула, уселась в свой автомобиль и машинально поехала за Сэмом. Происходящее казалось нереальным, словно это было с кем-то другим. Но вот Эмелия ощутила, как ребенок пошевелился. На нее снизошла реальность, глаза наполнились слезами.

– О, Джеймс, прости, – отрывисто прошептала она. – Я так старалась ради тебя. Я действительно старалась.

Она остановила автомобиль рядом с машиной Сэма и позволила себе немного погрустить. Она снова испытывала тихую и нежную печаль, ставшую в последнее время ее постоянной привычной спутницей.

– Ты в порядке?

В порядке ли она? Вероятно, нет, но Эмелия улыбнулась Сэму, вышла из машины и позволила ему провести ее в давно знакомое им кафе на набережной, в котором они раньше часто бывали все вместе. Раньше Эмелия всегда заказывала себе фруктовый чай. На этот раз, расположившись напротив Сэма, она заказала пенистый кофе мокко с шоколадными хлопьями и сахарное слоеное пирожное с шоколадной глазурью.

Успокаивающая еда.

Она ей сейчас очень нужна. Ведь им открылась правда, которая все изменила.

Подняв глаза, она встретила непроницаемый пристальный взгляд синих глаз Сэма и задалась вопросом, унаследует ли ее ребенок их эффектный цвет…

Между Сэмом и Эмелией образовалась такая связь, о которой он раньше и не помышлял.

Эта милая и нежная женщина забеременела от него, и ей не придется отдавать ребенка Эмили и Эндрю, как он опасался.

Сэм старательно отводил взгляд от живота Эмелии, в котором развивалась жизнь, внесшая серьезные коррективы в его собственную судьбу. Некая «административная накладка» полностью поменяла все правила.

Сэм приказал себе забыть на время о своих переживаниях. Он подумает о них позже, в одиночестве. Сейчас ему следует поразмыслить о женщине, которая вынашивает ребенка не от своего мужа, а от почти незнакомца. Сэм понимал, что ситуация не будет легкой ни для нее, ни для него. Ведь сейчас она снова теряет Джеймса, ее мечта уступила место кошмару и жестокой правде.

Он посмотрел на молчаливую Эмелию и увидел в ее глазах боль и замешательство.

– Прости меня, Эмелия.

– Не извиняйся, – тихо сказала она. – Ты не виноват.

Он заговорил резко:

– Я знаю, но… Ты все это время думала, что забеременела от него, а теперь тебе сказали, что ребенок от другого мужчины. Должно быть, ты не находишь себе места от горя.

Помимо привычного страдания Эмелия почувствовала прилив новых эмоций, а также чувство вины, ибо мужчина, который приходился отцом ее ребенку, сидел напротив нее, и даже теперь, будучи шокированной недавней новостью, она понимала, что ее влечет к нему каждой клеточкой ее тела. И так было всякий раз, когда они встречались.

Она старалась рассуждать логически, найти разумные слова для этого мужчины, ведь Джеймс умер, а она может думать лишь о ребенке, зачатом от Сэма.

– Сэм, на самом деле все в порядке, – наконец сказала она. – Я никогда не рассчитывала забеременеть. Мы с Джеймсом знали с самого начала, что

качество его спермы невысокое. Если бы мы попробовали ЭКО, то нам пришлось бы совершить множество попыток. И я знаю, что покажусь глупой, но я была потрясена, когда обнаружила, что беременна. Я не рассчитывала, что такое случится. Ведь произошло, вероятно, лучшее из того, что могло про изойти.

– Лучшее?

Она подняла изящные плечи, словно защищаясь, и он почувствовал безумное желание подхватить ее на руки и сказать, что все хорошо. Не нужно быть уверенной и сильной, она может позволить себе сердиться, печалиться и смущаться. Но когда Эмелия заговорила, он понял, что она совсем не бравирует, а говорит искренне.

– Все оказалось сложнее, чем я думала. Свекор и свекровь полностью взяли руководство в свои руки, словно это их собственный ребенок, – сказала она, с удивлением замечая, что, несмотря на печаль по поводу того, что вынашивает ребенка не от мужа, впервые после смерти Джеймса чувствует себя свободной.

Свободной от удушающего и руководящего вмешательства Джулии и Брайана, от обязательств жить вместе с ними ради их внука. Прежде она не понимала, насколько ее обижает их отношение, но теперь у нее складывалось ощущение, будто кто-то открыл окна жарким летним днем и впустил в комнату прохладный свежий ветер.

Но этот ветер показался ей слишком прохладным, когда она поняла, что вместо свекра и свекрови следующие двадцать лет ей придется иметь дело с очаровательным, неулыбчивым красавцем незнакомцем с суровым взглядом. Ощущение облегчения оказалось кратковременным, ему на смену быстро пришли смущение и неуверенность.

– Мне жаль, – тихо произнес Сэм. – Наверное, тебе было очень трудно… с самого начала, во время всего процесса. Эмили говорила, ты сильно переживала.

– Переживала. И конечно, я грущу, но, может, пора отпустить прошлое? И в любом случае, дело не только во мне. Что будет с Эмили и Эндрю? – спросила она, еще не позволяя себе думать о Сэме. Вместо этого она беспокоилась о своих друзьях, ибо так было легче и безопаснее. – Как только представлю, что им снова придется начинать все сначала… – Она мгновение помолчала. – Бедняга

Эм.

– Я не уверен, что они захотят начинать сначала, – задумчиво помолчав, произнес Сэм. Он не был убежден, что сможет им помочь еще раз.

– Произошло недоразумение… – Эмелия почти не помнила разговор с директором клиники, так как пережила настоящий шок от полученной новости.

– Да, – натянуто произнес Сэм, размешивая черный кофе ложечкой и хмурясь.

Он выглядел разочарованным и несчастным, и Эмелию это не удивляло.

– Я по-прежнему не могу понять, как такое могло произойти, – задумчиво промолвила она. – Кажется, они абсолютно уверены в том, что все идет как надо. Они проверили результаты ДНК оставшихся эмбрионов, а это означает, что все верно зафиксировано документально. Так почему произошла ошибка? Бессмыслица.

– Потому что врач-эмбриолог не понимала, что делает. Она явно не подходила для такой работы и не уделяла должного внимания деталям, поэтому перепутала ваши имена.

– Разве можно перепутать фамилию Иствуд и Хантер? Не думаю.

– Но можно перепутать имена Эмелия и Эмили. Они почти одинаковые. Она не обратила внимания на ваши фамилии. Ошибку обнаружил другой врач, когда просматривал документы и заметил несовпадение номеров. Ты прослушала эту часть разговора?

– Вероятно, прослушала, – задумчиво ответила Эмелия. – В действительности, если говорить начистоту, я словно отключилась после того, как он сообщил нам, что произошло.

– Для того врача нет оправдания, – равнодушно заявил Сэм, кладя ложечку на блюдце и подаваясь вперед. – Преступная халатность, невнимательность, которая недопустима в данной работе. Если по какой-то причине ты некомпетентен, тебе не следует работать в такой клинике. Они поставили нас

обоих в неприятную ситуацию, и здесь не поможет никакая компенсация.

В его голосе прозвучали металлические нотки. Эмелия поняла, что Сэм не просто разочарован и несчастен, но и рассержен. Ужасно рассержен.

– Не осуждай ее, – тихо произнесла она. – У нее недавно умер муж. Я знаю, каково ей.

В его взгляде что-то промелькнуло, и он отрывисто кивнул:

– Извини. Конечно, ты знаешь. Я не хотел показаться грубым. Виноваты менеджеры клиники. Они должны были предоставить ей отпуск по семейным обстоятельствам или дать помощника, который наблюдал бы за тем, что она делает. Но это не изменит того, что произошло с тобой и со мной.

И с ним, конечно. Пострадала не только Эмелия, но именно она никогда не сможет забыть о случившемся. А Сэм… Сэм в любой момент волен уйти в сторону. И выглядит он так, словно жаждет этого… Надо предоставить ему такую возможность.

– Сэм, для тебя ничего не изменилось, – осторожно сказала она. – Я не прошу тебя брать на себя ответственность за ребенка…

Он хмыкнул и залпом осушил чашку.

– Эмелия, я взял на себя обязательство подарить ребенка моему брату. Ребенка, который вырос бы у любящих и преданных родителей. Ребенка, у которого была бы не только мать, но и отец. Я не нанимался работать донором спермы, передавать свой генетический материал незнакомцу и не принимать никакого участия в жизни этого ребенка. Я никогда об этом не помышлял и никогда так не поступлю. Но сейчас дело не в этом. Дело в том, что ты вынашиваешь моего ребенка, и я не оставлю ни тебя, ни его. – На его щеке дергался мускул.

Эмелия проглотила ком в горле. Хочет ли она такой жизни для своего ребенка? Хочет ли ему в отцы ответственного, жесткого человека, так неожиданно ворвавшегося в их жизни? Она не была уверена. Она не знает Сэма, а он не знает ее.

Возможно, наступило время это изменить?

– Я не такой уж незнакомец, – сказала она, стараясь улыбнуться, и он рассмеялся снова, но на этот раз заговорил мягче:

– Нет. Нет, ты не незнакомец. Но ты одинока и тоже не собиралась оказываться в такой ситуации, Эмелия. Ты должна была забеременеть от покойного мужа, имея поддержку его родителей. Теперь нет вероятности, что такое когда-либо произойдет. Ты беременна от незнакомца. Я представить себе не могу, что ты чувствуешь. Неизвестно, как отреагируют на все это твои свекор со свекровью.

Хороший вопрос. Что чувствует Эмелия? Она еще пока не знала. Ситуация слишком сложная, и ей требуется время, чтобы ее осознать и свыкнуться с ней, прежде чем она разделит ее с Сэмом. Свекор и свекровь – отдельный вопрос, и она отлично знала, как они отреагируют.

– Для них это станет ужасной потерей. Они настолько уверовали, что я вынашиваю ребенка Джеймса. Джулия прикасается к моему животу так, что можно подумать, будто ребенок ее собственный.

Сэм вдруг подумал: а удастся ли ему прикоснуться к ней? Ему ужасно хотелось коснуться ее, дотронуться до ее красивого, грациозного тела, но, несомненно, он этого не сделает. Он не имеет права.

– И как ты реагируешь, когда она так поступает?

– Позволяю. Как мне еще реагировать? Она улыбается горделивой, таинственной улыбкой. Она постоянно покупает вещи, детская так загромождена, что я едва могу в нее войти.

– И все это для ребенка Джеймса, а не для моего, – тихо сказал Сэм, начиная осознавать, сколько судеб способна разрушить врачебная ошибка.

Она кивнула:

– Верно. И им нужно сообщить. – Эмелия чувствовала, что больше не в состоянии разговаривать, ей следует подумать. В одиночестве. – Я обязана вернуться и

рассказать им.

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

Она пристально посмотрела на него. Да, она хотела, чтобы он мог поехать с ней. Но Сэм не мог. Пусть даже он сам это не понимает.

Но он, кажется, понимал.

– Извини. Ты должна сама им рассказать. Но потом нам нужно будет поговорить, Эмелия. Нам не уйти от разговора.

Она кивнула:

– Я знаю, но не сейчас. Мне нужно время, чтобы привыкнуть, Сэм. Дай мне передышку. Позволь мне обо всем им рассказать, попытаться объяснить, поразмышлять о дальнейшей жизни, ибо для меня все изменилось. Не таким я представляла свое будущее.

Сэм внимательно смотрел в ее нежные, печальные глаза. Она говорила так, словно решение принято ею окончательно и бесповоротно. Но ведь есть вероятность…

– Если ты не желаешь довести дело до конца, если ты хочешь принять предложение клиники, решать тебе, – резко произнес Сэм, имея в виду аборт, который лишит жизни его ребенка.

Она округлила глаза, быстро коснулась ладонью небольшого живота, к которому так хотелось прикоснуться Сэму, и резко поднялась.

– Ни за что. Это мой ребенок, Сэм, – спокойно произнесла она. – Я не просила тебя принимать участие в его жизни и не жду, что ты станешь это делать против желания. Но ни за что на свете я не соглашусь на предложение докторов. Я зачала ребенка, и я буду его любить. Ничто и никто мне в этом не помешает. А если тебя это не устраивает, подавай на меня в суд.

И, вздернув подбородок, она взяла ключи от автомобиля, схватила сумку со стула и быстро вышла из кафе. Сэму оставалось лишь смотреть ей вслед. Секунду он медлил, затем пошел за ней.

– Подожди! – Он рывком открыл дверцу ее автомобиля до того, как она тронулась с места. – Эмелия, я не об этом пытался тебе сказать. Я просто подумал…

– Значит, ты ошибся, – парировала она и попыталась закрыть дверцу.

Но Сэм крепко держал ручку со своей стороны.

– Нет. Я подумал… понадеялся, что ты отреагируешь именно так, как отреагировала. Но ты должна знать, что я всегда тебе помогу, к какому бы решению ты ни пришла. Ситуация сложная. Она изменит всю твою жизнь, и ты должна быть уверена, что справишься. Решать тебе. Я думаю, ты сделаешь правильный выбор. – Он сунул визитку ей в руку. – Вот. Мои контактные данные. Позвони мне, Эмелия, пожалуйста. Поговори со мной. Если тебе что-нибудь понадобится, я все сделаю, только попроси. Если ты действительно хочешь оставить ребенка…

– Я его оставляю. Но не беспокойся, Сэм, мне ничего от тебя не нужно. Ты можешь чувствовать себя свободным.

Никогда. Ни за что на свете. Он продолжал удерживать дверцу.

– Пообещай, что позвонишь мне после разговора с ними.

– Зачем?

Он пожал плечами, так как не знал, что сказать. Он волновался за нее. При мысли о ребенке его сердце сжалось.

– Потому что тебе нужен друг, – неуверенно произнес он. – Тот, кто тебя понимает.

Какое-то время она внимательно смотрела в его глаза, затем, не произнеся ни слова, со стуком захлопнула дверцу и поехала прочь.

Тихо выругавшись, Сэм сел в машину и поехал за ней. На перекрестке она повернула налево. Мгновение он колебался, потом повернул направо и отправился домой. Предстояло решить, как рассказать брату о последнем развитии событий в трагической саге о его бездетности.

Женщина, вынашивающая его ребенка, волнующе привлекательна. Он не планировал заводить ребенка, но случай навечно связал его с Эмелией.

– Мне нужно кое-что вам сказать.

– Но, прежде чем ты расскажешь, пойди и посмотри, что делает в детской Брайан, – сказала сияющая свекровь Эмелии, взяла ее за руку и провела в комнату.

Свекор разрисовал паровозиками, мишками и буквами алфавита бордюр на стене детской. Рисунки оказались немного неровными и смазанными, но были сделаны с любовью. Джулия и Брайан нетерпеливо ждали реакцию Эмелии, которой захотелось расплакаться.

С трудом сглотнув, она отвела взгляд в сторону.

«До чего же тяжело».

– Я получила письмо от директора клиники, – резко произнесла она до того, как струсила и пошла на попятный. – Мне пришлось пойти туда и поговорить с ним. Возникла проблема.

– Проблема? Какая проблема? Мы ведь погасили последний счет, верно, Брайан? Мы оплатили все расходы.

– Дело не в деньгах. Это из-за ребенка, Джулия.

Лицо свекрови побледнело и вытянулось. Эмелия огляделась и поняла, что не может разговаривать в детской, обустроенной с такой любовью.

– Мне нужно выпить чаю, – сказала она и отправилась на огромную кухню, зная, что свекор и свекровь последуют за ней. Включив чайник, она уселась.

Они сидели лицом к ней за столом, за которым в детстве сидел Джеймс. За этим столом когда-то частенько располагались они все.

– Произошла ошибка, – тихо сказала Эмелия. Ее сердце бешено стучало, пока она готовилась выбить почву у них из-под ног. – В лаборатории клиники. Они оплодотворили яйцеклетку спермой другого мужчины.

Джулия Иствуд закрыла руками рот.

– Значит, ребенка вынашивает другая женщина? – спросила она в изумлении, когда смогла говорить.

– Нет, – произнесла Эмелия. – Это мой ребенок. Хотя Джеймс не приходится ему отцом. Отец ребенка – другой мужчина.

– Так где его ребенок? – истеричным тоном спросила свекровь. – От него забеременела другая женщина? Она должна будет его отдать. Брайан, ей придется, мы не можем взять этого…

– Джулия, ребенка нет, – сказала Эмелия, стараясь говорить решительно. – Эмбрионы умерли до имплантации.

Она подождала, пока до них дойдет смысл ее слов. Глаза Брайана наполнились слезами, он закрыл их. Лицо Джулии перекосилось, когда она поняла, что произошло. Она закричала – так же, как в тот миг, когда Джеймс испустил последний вздох. Как будто она снова потеряла сына.

Эмелия сжала руку женщины:

– Джулия, мне так жаль.

Но та никак не отреагировала на прикосновение Эмелии, а только повернулась к Брайану, упала в его объятия и разрыдалась. Эмелии ничего не оставалось, как оставить их наедине с горем и пойти собираться.

Она не взяла с собой ни одной детской вещи. Как сказал Сэм, ни одна из них не принадлежала ее ребенку. Поставив чемодан в автомобиль, она вернулась в спальню, переложила оставшиеся вещи в гардероб – туда, где лежали вещи Джеймса, и, в последний раз прикоснувшись к часам, обручальному кольцу и дневнику мужа, пошла в кухню.

Открыв холодильник, Эмелия беспомощно уставилась на бутылку с молоком и открытую упаковку салата. Она быстро приготовила себе сэндвич и попила молока, ибо так и не притронулась к чаю, затем отнесла сэндвич в автомобиль, чтобы перекусить позже, и вернулась в дом, желая попрощаться.

Они сидели на кухне, где она их и оставила, будто прошло всего пять минут, а не два-три часа. Подходя к кухне, она услышала разговор на повышенных тонах и замерла на месте.

Джулия что-то сказала, но Эмелия не расслышала ее слов. Затем Брайан достаточно отчетливо произнес:

– Если бы у меня было малейшее представление о том, какие страдания это повлечет за собой, я никогда не позволил бы тебе уговорить его подписать то соглашение.

– Я не выдержу, если потеряю его, Брайан! Ты должен понять…

– Но ты его потеряла, Джулия. Ты уже его потеряла. Он едва понимал, что за документ подписывает…

– Он понимал!

– Нет! Он не соображал, что делает. А ее слова о том, что она ужасно хочет родить от него ребенка, были ложью.

– Но ты позволил этому произойти! Ты никогда и словом не обмолвился…

– Потому что тоже этого хотел, но был не прав, Джулия. Мы ошибались. А теперь…

Эмелия вошла в кухню и откашлялась. Они резко умолкли и уставились на нее, пока она старалась побороть внезапный прилив гнева, выплеснув который она ничего бы не изменила. Ей хотелось потребовать от них объяснения, но она не была уверена, что выдержит этот разговор. Лучше ей убраться отсюда.

– Я уезжаю, – равнодушно сказала она. – Свои вещи я оставила в гардеробе. Я заберу их, когда найду жилье. Все вещи Джеймса остаются у вас. Знаю, вы захотите их сохранить. Я ничего не взяла из детской.

– Но как же… Что нам с ними делать? – спросила Джулия и снова расплакалась.

Брайан обнял жену и одарил Эмелию мимолетной, едва заметной, смущенной улыбкой, посмотрев на нее поверх головы Джулии.

– До свидания, Эмелия. И удачи тебе, – сказал он.

Кладя ключи на стол, Эмелия с горечью вспоминала о том, как Джулия и Брайан просили ее чувствовать себя у них как дома. Их благосклонность закончилась, как только она стала для них бесполезна. Она кивнула и вышла из дома до того, как ей удалось спросить, что Брайан имел в виду, говоря, что это Джулия уговорила Джеймса подписать соглашение. Вероятно, он дал свое согласие на использование его спермы для зачатия ребенка, о котором они так мечтали.

А потом они убедили Эмелию пойти на столь серьезный шаг. В тот момент она ни о чем таком и помышлять не могла, но свекор и свекровь доконали ее. Они стали уговаривать ее на следующий день после похорон.

Эмелия была в ярости из-за того, что они лгали ей. Но еще сильнее она злилась на них потому, что они измывались над Джеймсом, донимая его требованиями подписать соглашение. А ведь он был таким слабым и уязвимым, до его смерти оставалось несколько дней или часов.

Они мучили собственного сына, чтобы иметь возможность дать жизнь его ребенку.

Эмелии стало трудно дышать. Она жадно глотала ртом воздух.

Она прошла через адовы муки, чтобы зачать ребенка, ведь она думала, что Джеймс так хотел. Но все оказалось ложью. И адовы муки еще не закончились – ни для кого из них. Просто теперь каждому предстоят страдания иного рода…

Смахнув с лица горькие слезы раздражения, Эмелия выехала из города, не имея четкого представления, куда едет и что намерена делать. На ее банковском счете было около сотни фунтов стерлингов, она безработная, ей негде жить, а в ближайшем будущем заработать денег не удастся. Ей лишь хотелось убраться куда подальше, но даже в таком состоянии она понимала, что не может ехать куда глаза глядят.

Прижавшись к обочине, она остановила машину и, откинувшись на спинку сиденья, закрыла глаза. Она не будет плакать. Больше никаких слез. Она выплакала океаны слез за прошедшие три года, когда узнала, что Джеймс смертельно болен, а теперь ей следует жить дальше.

Но где она будет жить? Скоро наступит ночь, а ей негде остановиться. Сможет ли она поспать в автомобиле? Вряд ли. Сейчас апрель, и ночью она просто замерзнет. Друзья живут слишком далеко, с большинством из них она потеряла связь после того, как заболел Джеймс и они с ним переехали в Эссекс. Единственный человек, который может ее понять, – Эмили. Но они с Эндрю в отъезде, и к ним сейчас действительно не время обращаться за помощью. Это будет просто несправедливо.

Остается Сэм.

Тот Сэм, который предлагал ей избавиться от ребенка.

«Нет, – подумала она. – Он такого не предлагал». Он предложил ей свою помощь, что бы она ни решила. Сказал – он верит, что она примет правильное решение.

И он дал ей свою визитку.

Опустив глаза, Эмелия нашла небольшую прямоугольную карточку, лежащую над рычагом переключения передач на куче конфетных фантиков и мелких монет. Вытащив визитку, она набрала телефонный номер.

Глава 2

– Хантер!

Сэм говорил рассеянно и лаконично. Вероятно, он был занят, и Эмелия, струсив, едва не повесила трубку. Но вот он заговорил снова, на этот раз мягче:

– Эмелия?

«Как он догадался?»

– Привет, Сэм, – произнесла она, не зная, что говорить дальше, но он, очевидно, понял ее.

– Проблемы?

– Вроде того. Слушай, извини, я предполагала, что ты занят. Просто нам действительно необходимо поговорить. Я попала в довольно глупую ситуацию… – Она тихонько вздохнула, потом еще раз.

Он прервал ее, желая добраться до сути дела:

Я не занят. Ты где?

Она огляделась. Давным-давно ей по пути встретился знак, указывающий поворот на Суффолк, где, по словам Эмили, жил Сэм. Неужели она приехала сюда неосознанно? Возможно, она ездила, наматывая круги, не заботясь ни о чем.

– Я не уверена, но где-то в Суффолке, близко к трассе A140. Скажи мне свой адрес.

– Поместье «Льняное поле». Указатель наполовину увит плющом, но поворот будет единственным на участке дороги в пару миль, поэтому ты не проедешь мимо него. Ищи большие железные ворота с решетчатым ограждением для крупного рогатого скота, это в северном направлении. Ворота открыты, въезжай в них и найдешь меня. Ты, вероятно, где-то поблизости. Я буду тебя ждать.

Эмелия нерешительно въехала в огромные открытые железные ворота. Длинная узкая лента асфальтированной дороги пролегала между посадками деревьев и наполовину увитой плющом кирпичной стеной. Но вот она перешла в гравийную, а перед глазами Эмелии появился красивый старинный дом в георгианском стиле, увитый глицинией. Она невольно ахнула от удивления.

Портик с белыми колоннами, огромная парадная дверь, элегантные окна, сквозь которые в темноту лился приветливый свет.

Как красиво! Конечно, тропинки нужно прополоть от сорняков, решетчатое ограждение починить. Но краска на окнах свежая, а латунная ручка на парадной двери сияет. Пока Эмелия в восхищении любовалась домом, дверь открылась, и гравийную дорожку залил золотистый теплый свет.

Здесь так приветливо и так безопасно.

И внезапно Эмелии показалось, что ей нигде не будет так хорошо, как здесь.

Сэм подошел, открыл дверцу ее автомобиля и улыбнулся. В его прекрасных синих глазах она заметила беспокойство.

– Привет. Итак, ты меня нашла.

– Да.

О, как ей хотелось, чтобы он ее обнял! Но Сэм не стал этого делать. Хотя, если бы он ее обнял, она бы совсем расклеилась, а ей не хотелось плакать. Эмелии казалось, что, расплакавшись, она уже не сможет остановиться.

– Пошли в дом. Ты выглядишь измотанной. Я приготовил тебе гостевую комнату.

От его заботливости и щедрости слезы навернулись на ее глаза, и она с трудом сглотнула:

– О Сэм, тебе не обязательно было это делать.

– Разве? А куда ты ехала?

Она проследила за его взглядом, который остановился на чемодане на заднем сиденье. Эмелия пожала плечами:

– Не знаю. Плана у меня не было. Я просто ушла. Я так рассержена!

– На клинику?

– Нет. На свекра и свекровь.

Сэм изумленно приподнял бровь и протянул Эмелии руку – решительную и теплую – и помог выйти из автомобиля. Он был похож на непоколебимую скалу посреди бушующего океана.

– Пошли. Тебе срочно требуется большая кружка дымящегося горячего шоколада и удобное кресло у камина. Ты поела?

Эмелия покачала головой.

– У меня есть сэндвич, – сказала она, в доказательство доставая его из сумки.

Проворчав, Сэм повел ее в дом, подняв чемодан легко, словно пушинку. В элегантной прихожей с черно-белым мраморным полом в клетку он поставил чемодан и провел Эмелию на большую кухню вдали от лестницы.

– Это Дейзи, – сказал он, представляя Эмелии сонного лабрадора.

Пока его гостья здоровалась с виляющей хвостом собакой, Сэм поставил на старинную плиту кастрюльку с молоком. Эмелия замерла посреди кухни, наслаждаясь теплой и уютной обстановкой. Дейзи тыкалась носом в ее руку.

– Присядь и съешь свой сэндвич, пока в обморок не упала, – решительно проинструктировал Сэм Эмелию, и она послушно расположилась за старинным сосновым столом.

Собака прислонилась к ее ноге, внимательно наблюдая, не уронит ли Эмелия кусочек сэндвича на пол. В это время Сэм растапливал шоколад и взбивал молоко, наполняя кружки напитком, содержащим такое количество калорий, которое Эмелия обычно поглощала за неделю.

Она скормила Дейзи верхнюю корочку сэндвича, отчего Сэм недовольно нахмурился. После того как Эмелия поела, он провел ее в комнату с зажженным камином и стоящими по обеим сторонам от него удобными кожаными диванами.

Прыгнув на один из диванов, Дейзи уютно устроилась в углу, поэтому Эмелия уселась на другой диван. Сэм подбросил еще одно полено в камин, опустился рядом с Дейзи и положил ноги на старый сосновый столик между диванами.

* * *

Эмелия откинулась на спинку дивана и отпила шоколад.

– Итак, насколько я понял, дела обстоят не слишком хорошо? – сказал Сэм.

Эмелия невесело рассмеялась и слизнула пенку с верхней губы.

– Не спрашивай, – произнесла она спустя мгновение. – Конечно, они были опустошены. Джулия интересовалась, сколько потребуется денег, чтобы заплатить другой женщине, которая родит ребенка от Джеймса. Когда я сказала ей, что другой женщины нет, она разрыдалась, а я отправилась собирать свои вещи. Когда я вернулась, чтобы попрощаться, они выясняли отношения. Похоже, что Джулия уговорила Джеймса подписать соглашение о посмертном заборе у

него спермы для ЭКО. Они лгали ему, говоря, что хочу этого именно я.

Он нахмурился. Ее слова шокировали его и вытащили в реальность из несвоевременной фантазии, которая возникла в его мозгу, когда он увидел, как Эмелия облизывает губу.

– Но ты наверняка говорила с ним об этом?

Она покачала головой:

– Нет. Я узнала обо всем лишь после его смерти. Они сказали, что он страстно хотел, чтобы я родила от него ребенка, но не мог говорить со мной об этом, не желая расстраивать.

Сэм снова нахмурился:

– Ты считаешь, что он не поговорил бы с тобой о таком важном деле?

– Нет. А должен был бы… а еще он не написал об этом в своем дневнике. А он все записывал. Но я была так шокирована, что просто им поверила.

Мне и в голову не приходило, что они его принудили. Ведь он их сын. Они его обожали. С какой стати им так поступать?

Ее голос надломился, и Сэм разозлился на то, как Джулия и Брайан поступили с ней и Джеймсом. Он ненавидел двуличных людей, на то у него были веские основания.

– Таким образом, они обманули вас обоих?

– Похоже на то.

– И ты точно никогда не говорила об этом с Джеймсом?

Она покачала головой:

– Не в таком аспекте. Мы хотели заморозить его сперму на случай, если после лечения он станет бесплодным. Так мы могли бы стать родителями. Как только стало известно, что Джеймс не выживет, мы никогда больше не заговаривали на эту тему. Джулия подняла этот вопрос после похорон.

Сразу после похорон?

Взглянув на Эмелию, Сэм удостоверился, что правильно ее понял. Ему стало тошно. Он откинулся на спинку дивана, поигрывая чашкой с горячим шоколадом, украдкой изучая Эмелию. Выглядела она ужасно. Шокированная, измотанная и окончательно растерянная. Положив на колени подушку, она прижала ее к животу, попивая шоколад. Сэму ужасно захотелось обнять ее.

Кстати, на ее губе осталась пенка от молока…

Какая глупость! Ситуация и так сложная. Меньше всего Сэму нужно заводить роман с вдовой. Он всячески избегал эмоциональной привязанности. Помимо того что она вынашивает его ребенка, эта женщина неотвратимо влечет его.

– И что они тебе сказали, когда ты сообщила, что уезжаешь? – спросил он, поспешно возвращаясь к разговору.

Она пожала плечами:

– Совсем немного. Если честно, мне кажется, я избавила их от необходимости просить меня уйти.

– А если бы не было меня, где бы ты стала ночевать?

Она снова беспомощно пожала изящными плечами:

– Понятия не имею. Как я сказала, я не особенно о чем-то задумывалась. Я просто знала, что должна уйти. Где-нибудь пристроилась бы. Кому какая разница, куда бы я пошла?

Сэм с удивлением отметил, что ему не все равно, куда пошла бы Эмелия. Он убедил себя, что беспокоится о ней как о беспомощной беременной женщине.

Думать иначе он себе позволить не мог.

– Итак, – грубо проговорил он, поднимаясь, – пошли, я покажу тебе твою комнату. Мы можем поговорить завтра.

Он провел ее наверх по широкой лестнице с невысокими ступеньками и изящными изогнутыми перилами в спальню. Это была незаурядная спальня. Шелковые портьеры на окнах, красивый старинный ковер на полу и кровать из латуни и железа, окрашенная в кремовые цвета. Кровать с множеством подушек казалась такой уютной и пробуждала фантазии. Эмелия едва не расплакалась.

Ну, она могла расплакаться по множеству поводов, но эта кровать просто переполнила чашу ее терпения.

Сэм поставил чемодан Эмелии на пухлую оттоманку у изножья кровати и открыл дверь, показывая гостье ванную комнату.

– Эта ванная совмещена со спальней, которую я сейчас использую. Но каждая из дверей запирается. Просто не забудь открыть ее, когда уйдешь.

– Не забуду.

– Если тебе что-нибудь понадобится, только крикни. Я буду поблизости.

«Не то слово», – подумала она, мельком взглянув на дверь ванной комнаты.

– Спасибо за все, Сэм.

Он отрывисто кивнул и вышел. Дверь закрылась с легким щелчком, и Эмелия обхватила себя руками и оглядела комнату. Красивая спальня с дорогой и уютной мебелью.

Почувствовав, как к горлу подступает рыдание, она взяла себя в руки. Плакать она не станет. У нее все будет хорошо.

Эмелия приняла ванну, немного нервничая по поводу второго входа, затем отперла дверь в комнату Сэма и повернула ключ в замочной скважине своей

двери. Забравшись на прекрасную мягкую кровать, она с удовольствием ощутила под собой постельное белье из тончайшего хлопка и укуталась в легкое как облако стеганое одеяло. Выключив свет, она закрыла глаза и приготовилась спать, но сон не шел к ней.

Мысли беспорядочно кружились в мозгу, ее мучили противоречивые эмоции. Спустя какое-то время она услышала шаги и увидела полоску света под дверью, ведущей в ванную комнату. Эмелия просто лежала и смотрела на полоску света, слушала, как течет вода. Потом Сэм повернул ключ в замочной скважине на ее двери и выключил свет. Наступила тишина.

Как странно, отец ее ребенка укладывается спать в соседней комнате, а она почти ничего о нем не знает, за исключением того, что он очень любит брата и был готов подарить ему ребенка.

Но подарок, так сказать, сменил адресата и теперь принадлежит Эмелии.

И теперь Сэм заботится о ней и дает время решить, как поступать дальше.

Она коснулась рукой живота, словно защищая ребенка от всего этого хаоса. Что с ними будет? Куда они пойдут? Удастся ли ей обеспечить им счастливую жизнь?

– Я люблю тебя, малыш, – прошептала она. – Все будет хорошо, вот увидишь. Я позабочусь о тебе, не бойся. Мы выживем.

Как Эмелия ни старалась сдерживаться, но слезы потекли по ее лицу.

Сэм слышал, как плачет Эмелия, но ничем не мог ей помочь.

Она горюет о ребенке, которого у нее никогда не будет; о мужчине, которого навсегда потеряла. Ему, Сэму, нет места в ее сердце.

Он не знал, каким образом сумеет ее защитить, какую помощь она согласится от него принять.

Дать ребенку свою фамилию?

При мысли об этом у него скрутило живот, и он поспешно отмахнулся от этой идеи.

Только не это. Однажды он женился на беременной женщине, но брак не принес ему ничего, кроме страданий.

Однако на этот раз все иначе. Он уверен в том, что Эмелия вынашивает его ребенка. Ему придется ей помогать, он не сможет видеть беременную женщину страдающей. Но его чувства к ней совершенно неуместны.

Сэм едва не рассмеялся – разве не уместно испытывать влечение к женщине, которая вынашивает твоего ребенка? При нормальных обстоятельствах – нет, но сложившиеся обстоятельства нормальными не назовешь, и он не намерен позволять себе поддаваться соблазнам. В Эмелию слишком легко влюбиться.

Вот так он и лежал в своей комнате, слушая душераздирающие приглушенные всхлипывания Эмелии. Ему хотелось пойти к ней, хотя он и понимал, что не должен этого делать. Ведь она плачет не из-за него. Она оплакивает Джеймса, и Сэм ничем не сможет ей помочь.

Когда Эмелия проснулась, солнечные лучи уже пробивались сквозь щели в портьерах. Выбравшись из кровати, она прошла к окну, раскрыла шторы и увидела, что все купается в теплых и ласковых лучах солнца. Великолепный день. Вдали, за садом и лужайкой, она увидела плавные изгибы полей, огороженных древними живыми изгородями. То там, то здесь высились небольшие рощицы деревьев.

Эмелия напомнила себе, что ей следует подумать о своем будущем, а не наслаждаться видами из окна. Кроме того, она умирает от голода.

Взяв одежду, она отправилась в ванную комнату. На всякий случай она постучала в дверь. Ванная комната оказалась пустой, но коврик был мокрым. Эмелия поняла, что не слышала, как Сэм принимает душ. Она понятия не имела, который час, но в животе у нее урчало от голода. Приняв душ за рекордно короткое время, она достала из чемодана красивый свитер и джинсы с растягивающейся вставкой на животе. Замазав тональным кремом круги под

глазами, она быстро накрасила ресницы, нанесла блеск на губы и отправилась на кухню.

Дейзи была там, стуча хвостом о дверцы буфета в знак приветствия. Погладив собаку, Эмелия выпрямилась и обнаружила Сэма, который непринужденно сидел напротив нее, покачивая кружку в больших натруженных руках.

На нем были потертые сексуальные джинсы и выцветшая рубашка для регби. Этот его образ кардинально отличался от учтивого и утонченного вчерашнего, но показался ей намного более привлекательным. Он улыбнулся ей, и ее сердце екнуло.

– Привет. Как спалось? – спросил он немного хриплым голосом.

– Хорошо. Удивительно хорошо. Постель – настоящее блаженство.

– Хорошо, да? Проголодалась?

– М-м-м. У тебя есть здоровая пища?

Его губы дрогнули.

– Например?

Она пожала плечами:

– Хоть что-нибудь. Но только не шоколад и не кофе!

– А куриные яйца считаются здоровой пищей?

– Из какой они местности?

– Из моей! – Она округлила глаза, и Сэм рассмеялся. – Здесь все держат кур.

– Здесь никого нет, – уточнила она, но он покачал головой:

– Здесь полно людей, до деревни одна или две мили. У меня имеется домашняя ветчина, колбаса, грибы, помидоры…

– Стоп! – сказала она, смеясь, и он почувствовал, как у него засосало под ложечкой. – Я говорила о здоровой пище!

– Она здоровая. Хлеб из местной пекарни, масло деревенское.

– Сейчас ты скажешь мне, что выращиваешь кофе, а я знаю, что это ложь.

Он почувствовал, как уголки его губ изогнулись в усмешке.

– Кофе из Колумбии. Все-таки будешь кофе? Честно говоря, я завтракал три часа назад и с радостью присоединюсь к тебе. Назовем это вторым завтраком.

Эмелия сдалась:

– Спасибо, я с удовольствием.

«Удовольствие – это ты», – подумал он, с наслаждением разглядывая ее, пока она разговаривала с Дейзи. Волосы светло-каштанового цвета обрамляли ее лицо. Вот она заправила за ухо прядь волос и снова улыбнулась.

Боже, какая роскошная женщина! Но он не должен нахально пялиться на беременную, которой дал прибежище. Сэм твердо напомнил себе, что она по-прежнему горюет по своему мужу.

– Спасибо. Еда была замечательной.

– Хорошо. Тебе следовало подкрепиться. И ты поела овощей.

– Ага, жареных.

– Едва ли их назовешь жареными, они потушены в оливковом масле, содержащем витамины.

– Да, мамочка, – поддразнила она его, и он задался вопросом, не следует ли его арестовать за мысли, которые приходят ему в голову. Улыбка Эмелии пробуждала в нем совсем не платонические чувства. Катастрофа! Ведь он не должен влюбляться, особенно в беременных.

В настоящее время Сэм вступал с женщинами в отношения, не требующие обязательств, где никто из партнеров не строил иллюзий и не разочаровывался.

– Еще кофе?

– Нет, спасибо.

Отодвинув стул, он подошел к плите. Эмелия задумчиво за ним наблюдала. Она ощущала, как что-то изменилось: между ними возникло некое притяжение, отчего она затаила дыхание и почувствовала себя легкомысленной.

Объяснив свою реакцию гормональной перестройкой организма, она отвела взгляд от его джинсов.

– Сэм, мне нужно принять решение, – твердо сказала она, и он посмотрел на нее через плечо:

– По какому поводу?

– Куда идти.

Он снова присел, держа в руке кружку, и внимательно посмотрел в ее глаза невыразительным взглядом:

– Незачем спешить.

– Ну, спешить нужно. Мне следует где-то поселиться и найти доктора. Еще мне необходимо найти дом и работу.

– Есть какие-нибудь идеи?

Эмелия грустно улыбнулась. Идей у нее не было.

– Ни одной, но я не могу оставаться здесь на неопределенный срок. Я обязана сделать несколько телефонных звонков. Я должна связаться с матерью, хотя не смогу у нее остановиться. Она живет в Чешире в крошечном коттедже с моим отчимом, который не слишком обрадуется, когда я появлюсь на пороге с ребенком на руках. Это может нарушить их мирное существование. И в любом случае я слишком взрослая, чтобы жить с матерью.

Сэм едва заметно нахмурился, разглядывая узоры на деревянной столешнице и проводя по ним пальцем:

– Не торопись, Эмелия. Оставайся здесь столько, сколько захочешь. Тебе нужно многое обдумать. Возможно, нам придется принимать решение вместе, учитывая сложившиеся обстоятельства.

Ее глаза наполнились слезами, она посмотрела в сторону, чтобы Сэм их не заметил.

– Ты прав. Мы должны будем подумать вместе. Я просто терпеть не могу навязываться…

– Ты не навязываешься, – решительно сказал он. – Я рад твоему присутствию.

– Правда?

Он снова нахмурился и с задумчивым видом встретил ее взгляд.

– Да, – произнес он, затянув паузу. – Ситуация не идеальна, но мы должны найти решение ради ребенка и нашего душевного равновесия. Поэтому, Эмелия, я буду рад тому, что ты и ребенок пробудете у меня столько, сколько тебе потребуется.

– Спасибо, – хрипло сказала она. Ее переполняли эмоции.

Словно поняв это, он продолжил:

– Так, у тебя совсем нет никаких идей?

Она покачала головой:

– Никаких. Ну, мыслей много, но ни одной конструктивной идеи. В клинике ЭКО сказали о компенсации, но я не знаю, какой она будет и когда я ее получу. Поэтому мне придется подыскать работу. Пойду работать учителем.

Он слегка нахмурился:

– Ты беременна.

– Ну да, а я и не заметила! – Она округлила глаза, и он тихонько вздохнул:

– Эмелия, тебе будет трудно. Когда ты в последний раз давала уроки? Вероятно, тебе понадобится собрать необходимые документы, а на их получение уйдет несколько недель. К тому времени, когда они будут готовы, наступят летние каникулы. И в настоящее время на рынке вакансий шаром покати, даже если не брать в расчет твое… положение.

Она на миг закрыла глаза. Не нужно ей рассказывать о том, в каком положении она оказалась.

– Сэм, я способная и сильная. Я справлюсь с любой работой. У меня всего девятнадцать недель беременности. Многие женщины, если требуется, работают до самых родов.

– Но тебе это не требуется, поэтому ты могла бы остаться здесь и вести себя благоразумно.

Она безучастно смотрела на него.

– Компенсацию выдадут через несколько недель. Вероятнее, через несколько месяцев.

– Еще одна причина остаться. Я уверен, мы справимся, – сухо сказал он.

Нет, Эмелия не справится, если ее и дальше будет так тянуть к Сэму! Она встретила его взгляд.

– Без денег мы не выживем. Я не могу тебя объедать, Сэм. И потом, что я стану делать целыми днями? – Она старалась рассуждать логически, но ее охватывала растущая паника. – Я не могу просто сидеть на месте. Разве это благоразумно? До родов мне осталось больше четырех месяцев. Я должна чем-нибудь заняться, чтобы заработать денег на собственные нужды.

Сэм внимательно посмотрел на ее лицо и заметил беспокойство, которое она старалась скрыть. Задавая свой вопрос, он знал, что пожалеет об этом.

– Ты умеешь готовить?

– Готовить? Зачем?

Он пожал плечами, уже сожалея о том, что спросил, и пошел на попятный:

– Пришла в голову идея. Я подумал, ты сможешь заработать, готовя еду. Но занятие не слишком приятное, поэтому забудь об этом.

Он нахмурила брови:

– Готовить для тебя? Нет, ты прав, занятие не слишком приятное, тем более что готовлю я ужасно. И в любом случае недавно я давала уроки, чтобы не сойти с ума от безделья, поэтому мои документы, скорее всего, еще действительны. Может, в одной из местных школ мне удастся получить работу.

Сэм понимал, что держать Эмелию под контролем не получится. Странно, но он почувствовал и облегчение, и сожаление одновременно.

– Расскажи мне о саде, – неожиданно произнесла она, вторгаясь в его тревожные мысли. – Кто за ним ухаживает?

Он рассмеялся, обрадовавшись тому, что хоть на минуту удастся переменить тему разговора:

– Никто. Разве это не понятно по сорнякам, заполонившим все кругом?

– Ты пытался кого-нибудь найти?

Он пожал плечами:

– Парень из соседней деревни время от времени ухаживает за садом, когда он совсем зарастает. И… сегодня я постриг траву, только сперва мне пришлось чинить косилку. Я на что-то налетел.

– На что-то?

Он снова пожал плечами:

– Какая-нибудь ветка. Кто знает? Тут же заросли.

– Какова площадь твоих владений?

Он пожал плечами:

– Пятнадцать акров неухоженной земли. – Она округлила глаза, и он поспешно прибавил: – Есть еще старый сад с клумбами, огород и садовая живая изгородь. Это мои любимые места, хотя и они заросли сорняками. И потом имеется дорожка, вдоль которой растет золотой ракитник, и полуразрушенная старая оранжерея. Остальное – парковые насаждения или когда-то ими были. Годами никто не ухаживал за ними, и они одичали.

– Мы можем на них взглянуть?

– Да. Пошли, я покажу тебе, если ты заинтересовалась. Дейзи всегда рада прогулке. – Отодвинув свой стул, он вывел Эмелию через парадную дверь на солнечный свет. Дейзи бежала впереди, пока они прогуливались по узенькой дорожке на верхней площадке террасы, мимо клумб, которые давно нуждались в уходе, до кривой старой двери в высокой кирпичной стене в конце террасы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение.

Купить: https://tellnovel.com/anderson_kerolayn/samaya-prekrasnaya-roza

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити